

Ю. А. Арская
Иркутский государственный университет
(Россия, Иркутск)
juliaarskaja@mail.ru
А. А. Мамедов
Иркутский государственный университет
(Россия, Иркутск)
achmedved@inbox.ru

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ МЕСТОИМЕНИЯ *МЫ* В ПОЭМЕ С. А. ЕСЕНИНА «ИНОНИЯ»

«Инония» представляет собой самый большой по объему текст из цикла «маленьких» поэм С.А. Есенина. В данной поэме наиболее эксплицитно отражена космогоническая тематика, характерная для всего цикла. По сравнению с другими «маленькими» поэмами лирический герой в «Инонии» чаще предстает активно действующим Демиургом.

Я-центричность «Инонии» проявляется на уровне лексической и синтаксической организации текста: местоимение *я* в функции грамматического субъекта встречается в поэме 19 раз, при этом семантическим субъектом двусоставных неполных предложений с предикатом 1 л. ед. ч. оно является в 39 случаях. Таким образом, можно говорить о том, что *я* – семантический субъект 58 предикативных единиц (ПЕ), что составляет 44,3% всех ПЕ поэмы. Кроме того, четверть предложений с грамматическим субъектом и/или предикатом 3 лица ед. и мн. ч. обнаруживает семантическую связь с лирическим героем или референциальную отсылку описываемых ситуаций к говорящему: *Грозовой расплескались вьюгою от плечей моих восемь крыл.*

Помимо местоимения *я* и глаголов 1 л. ед. ч., лирический герой выражен в «Инонии» местоимением *мы*, которое встречается 4 раза. В ряде исследований отмечается неопределенность референта этого местоимения ([Гранева 2010], [Норман 2002] и др.). В работе предпринимается попытка установить денотативную составляющую значения номинаций с использованием местоимения *мы*.

Подробный анализ контекстов, в которых появляется данное местоимение в «Инонии», обнаруживает только одну номинацию, которую возможно соотнести со «второй составляющей “совокупного субъекта” (“не-я”» [Норман 2002: 233] одного из местоимений *мы: всех зовущих и всех дерзающих*. В пользу такой интерпретации говорит семантическая связь между предложениями в строфе с этой номинацией: нагнетание метафор и сравнений с семантической доминантой *остриё* логически завершается описанием страдания с помощью метафоры с областью-источником *кровь*. В терминологии Ю.М. Лотмана данные метафоры, как имеющие одинаковое денотативное содержание, являются эквивалентными элементами художественной структуры [Лотман 1998: 46].

В то же время сама эта номинация нереферентна, так как границы класса предметов, названного субстантивированным причастием мн. ч., для слушающего остаются более неопределенными, чем в случае с существительными, а определительное местоимение *весь* в сочетании с именем мн. ч. актуализирует в данном случае нереферентный универсальный статус [Падучева 1985: 95].

При этом в тексте «Инонии» не обнаруживаются другие номинации, кореферентные второй составляющей местоимения *мы* («не-я»). Номинации, выраженные существительными, 1) имеют эксплицитное указание на референциальную отнесенность именных групп к лирическому герою *я* (*мой, Есенин Сергей*), 2) представляют собой отвлеченные существительные (*время, смерть*), 3) являются метафорами (*зари лицо, лай колоколов*) либо 4) семантически принадлежат библейской сфере (*Бог, Радонеж*).

Подобным образом местоимение *мы* используется и в других «маленьких» поэмах. Подробный анализ всех текстов приводит к мысли о частотности не поддающихся референциальному отнесению употреблений местоимения *мы* как особенности данного цикла.

Для верификации данного предположения мы прибегли к статистическому анализу дореволюционной лирики С.А. Есенина с помощью поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Оказалось, что местоимение *мы* в лирике поэта периода до 1917 г. встречается достаточно редко: в 195 текстах оно использовано 51 раз, в то время как в 11 «маленьких» поэмах – 40 раз.

Мы дореволюционных текстов поддается классификации с точки зрения референциальной отнесенности и используется 1) внутри прямой речи героев сюжетной лирики; 2) как «*мы* экзистенциальное» [Гранева 2010: 12] и 3) как «*мы* универсальное» [Гранева 2010: 13]. При этом вторая составляющая *мы* в экзистенциальных употреблениях, как правило, охарактеризована контекстом или заглавием. Таким образом, для дореволюционной лирики С. А. Есенина нехарактерно использование местоимения *мы* с неясным референциальным статусом.

Анализ грамматической и семантической организации текста «Инонии» показывает, что описываемый в анализируемых фрагментах художественный мир целиком принадлежит ментальному пространству лирического героя, что, вероятно, относится и к коллективному субъекту, на который указывает местоимение *мы*.

ЛИТЕРАТУРА

Гранева И.Ю. Местоимение *мы* в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2010.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–288.

Норман Б.Ю. Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия // *Russian linguistics*. 26 (2). 2002. P. 217–234.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.